

Анна Одувалова

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Анна Одувалова

В КОГТЯХ ТИГРА

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2015
 SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
О-40

Серия основана в 2011 году
Выпуск 174

Художник
Е. Никольская

Одувалова А. С.

О-40 В когтях тигра: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 279 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2021-6

Обычная петербургская студентка Лика Романова, которая как магнит притягивает неприятности, и предположить не могла, что нелепая случайность круто изменит ее жизнь. Оживут древние легенды, проснутся дремлющие артефакты, и девушку начнут преследовать таинственные существа, по следу пойдет тысячелетний тигр-оборотень, а обычный преподаватель корейского языка — мечта всех девчонок курса — окажется не так прост и будет защищать ее даже ценой собственной жизни.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Одувалова А. С., 2015
© Художественное оформление,
ISBN 978-5-9922-2021-6 «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ПРОЛОГ

Хенсон, 1898 год

Нужно было бежать очень быстро, хотя Чжи Вон смутно представлял куда. И как долго еще нужно продержаться. Опасность подстерегала повсюду — пряталась в темных подворотнях, ползла по крышам и проникала сквозь стены. С ней нельзя было справиться, только сбежать. Дед, которого не осталось в живых, смог разгневать того, чья сила и власть не имели границ.

Узкие, темные, петляющие улицы слились в одну бесконечную дорогу, похожую на извивающуюся змею. Хотелось упасть на пыльную землю, сжаться в комок и сдаться на милость сильнейшего, но дед сказал: «Беги, пока можешь дышать, — это важно», — и нужно было исполнить его просьбу. А воля умирающего деда — больше чем просто слова. Приказ, послушаться которого нельзя.

Совсем еще маленький мальчишка скрывался в тени домов и низко припадал к пыльным, утоптаным тысячами ног улицам, пробираясь к портовому району города. Ночь здесь было безлюдно и тихо. Люди боялись и прятались в дома, отгораживаясь стенами от тех, кто хозяйничал в городе. Дед сказал: «У берега корабль с русскими. Он последний. Больше кораблей в далекую северную страну не будет. Военное сотрудничество прервано, и там, далеко за морем, безопасно. Там можно скрыть пинё от Него».

Чжи Вон не знал, кто «Он», и не понимал, что такого особенного в обычном женском украшении, но сжимал простые костяные пинё сильнее и бежал, несмотря на то, что легкие горели от боли. До порта осталось совсем недалеко — несколько кварталов, но их еще нужно преодолеть, а Чжи Вон уже выбился из сил. Он знал, что за ним будут гнаться не обычные люди, но когда из темных углов багряным туманом сползли и преградили дорогу вонгви, опешил и инстинктивно попятился назад. Страх липкий, заставляющий дрожать колени, мешал думать и действовать, но мальчишка сглотнул, зажмурился и кинулся вперед, подныривая под полупрозрачными фигурами неповоротливых вонгви.

Твари не действовали сами по себе, они находились в подчинении у кого-то более страшного и могущественного. Чжи Вон чувствовал подавляющую силу людей или нелюдей, идущих по его следу. Они спешили, так как прекрасно понимали, что далеко за морем им не найти пинё. Неужели невзрачное украшение стоит жизни?

«Плакать нельзя» — так говорил дед, сплевывая кровавую слюну. Нельзя. Слезы — это слабость, а слабость — это смерть. Вот Чжи Вон и не плакал. Он тратил все свои силы на то, чтобы успеть. Далекий гудок известил о том, что корабль отходит, а до порта было еще далеко.

Неправильно! Дед сказал, его должны дождаться! Они не могут уйти без него. Сердце стучало в груди, как испуганный воробей, тошнота от усталости и страха подкатывала к горлу, а на затылке чувствовалось ледяное и смрадное дыхание вонгви.

Брошенная красная тряпка с защитным символом, нарисованным кровью, должна была задержать их ненадолго. Чжи Вон оставил ее до последнего момента и сейчас кинул, надеясь, что дед был прав и знал, что делал. Духи замерли, очарованные красным лоскутком,

который в темноте казался буро-коричневым, и начали кружить над ним, а Чжи Вон бросился со всех ног к кораблю.

Дед не обманул. Его действительно ждали — непривычно высокий мужчина со светлыми, но не седыми волосами и глазами неестественного голубого оттенка подхватил мальчишку на руки, поднялся на палубу и скрылся в каюте.

К тому времени, когда на причале появились несколько разозленных мужчин, корабль уже смотрелся чайкой, присевший на волны, над которыми занимался рассвет.

ГЛАВА 1

Питер, наши дни

— Оп-па¹... — мечтательно протянула Ленка, которая сидела по правую руку от меня. Она томно вздохнула, и узкая блузка опасно натянулась на полной груди — пуговички были маленькие и постоянно расстегивались. Подозреваю, Ленка прекрасно об этом знала и именно поэтому из блузки не вылезала. Я закатила глаза, демонстрируя отношение к всеобщему помешательству, и уткнулась в тетрадку.

В аудиторию вошел он — мечта всех девчонок нашего курса — преподаватель корейского языка Ли Ком Хен. Он просил называть себя Ли-сонсенним², но для нас это было как-то непривычно и дико, поэтому мы между собой сокращали до почти панибратского «Ком Хен», а на парах первое время читали обращение по бумажке. Потом, правда, привыкли.

Он был, пожалуй, даже слишком высок для среднестатистического корейца и, наверное, красив. Я общих восторгов своих дорамосдвинутых подруг не разделяла, потому что корейских сериалов не смотрела, а Ли Ком Хена панически боялась, как и предстоящего че-

¹ О п-п а — обращение, которое используется лицами женского пола по отношению к старшим братьям, либо (в неформальной обстановке) по отношению к молодым людям старше их (*кор.*).

² С о н с е н н и м — вежливое обращение к преподавателю (учителю) (*кор.*).

рез пару месяцев экзамена. Корейский мне давался с великим трудом, и я уже раз двадцать пожалела, что именно его выбрала как второй язык для изучения в университете.

Зато остальные мои одноклассницы усиленно зубрили чамо хангыля¹ и мечтали, что когда-нибудь Ли Ком Хен бросит на них хоть один равнодушный взгляд. Но преподаватель, как и положено настоящему азиату, был отстранен, сдержан и строг. А еще безупречен во всем: в манерах, в вежливой, иногда мелькающей на губах улыбке и в одежде. Костюмы на нем не мялись, к ботинкам не прилипала пыль, а воротник белоснежной рубашки всегда оставался свеж. И это лично меня раздражало, особенно воротник! Ли Ком Хен казался человеком-роботом, а, значит, на экзамене придется туго. Не помогут ни слезы, ни уверения «нуажеучила». А это плохо, так как знания, которые он каждую пару вкладывал нам в головы по чайной ложке, не задерживались, и оставалось все меньше шансов сдать экзамен своими силами.

Но до сессии еще было время, и я уже второй месяц с интересом наблюдала за тем, как стайка восторженных первокурсниц пытается растопить ледяное сердце преподавателя. Было интересно, что победит: холодная сдержанность Азии или русский азарт. В общей охоте участия не принимали всего трое — две девчонки, у которых были парни, ну и я, так как изучать язык пришла совсем не из-за любви к киноискусству Юго-Восточной Азии.

— Не понимаю! И зачем тебе корейский при таком раскладе? — Вопрос эффектная блондинка Ленка задавала мне уже раз пятнадцатый с начала обучения.

Я только пожимала плечами. Не пересказывать же всем, что корейской крови во мне совсем чуть-чуть, но

¹ Ч а м о х а н г ы л я — основные блоки, из которых состоит корейская письменность. Хангыль — фонематическое корейское письмо (*кор.*).

она есть. Моего прапрадеда на рубеже веков привез из Кореи в качестве слуги один морской офицер. Нерусская фамилия затерялась в поколениях, и моя бабушка стала Романовой, а в чертах ее сына почти не осталось ничего корейского, как и в моих. Но это не мешало стремиться как можно больше узнать о родине своих предков.

Но, безусловно, моя причина для изучения корейского языка была намного более прозаичной, чем пламенные увлечения сокурсниц. В нашей подгруппе не было ни одного парня. А девчонки делились на две категории, те, кто пришел изучать язык из-за сериалов и Со Жи Сопа, на которого, по мнению большинства, походил Ком Хен, и те, кто сразу же потерял голову от самого преподавателя (эта часть сходство с популярным актером отрицала). Одна я чувствовала себя не приобщенной к прекрасному белой вороной.

Я старательно выводила загогулины рукой, дрожащей, как в первом классе, прилежно слушала Ли-сонсеннима и чувствовала себя глубоко несчастной. К концу пары рука дико затекла, я, как всегда, половину нового материала не поняла, а значит, придется задержаться и уточнить несколько моментов. Но это было не так-то просто. Ком Хена атаковали. Иногда казалось, что мои сокурсницы рано или поздно разберут бедного корейца на сувениры. Интересно наблюдать, как на его холеном лице упорно борются два выражения — брезгливость и азиатская сдержанная вежливость. Ли-сонсенниму было нужно намного больше свободного пространства, чем русским жаждающим внимая девам, и он постоянно отступал к стене, норовя спрятаться за преподавательскую кафедру.

Наших валькирий это не останавливало, и они шли напролом. Наблюдая за эпической битвой, я выгащила из волос две старинные шпильки пинё — семейная реликвия, передающаяся по наследству. Им больше ста лет, а они до сих пор смотрятся красиво и изящно —

обычные костяные, но практичные и как новые. Их будто не брало время. Мои тяжелые, не поддающиеся укладке волосы, доставшиеся от корейских предков, шпильки удерживали замечательно.

Девчонки наконец-то отстали от Ком Хена и вышли в коридор, а я заколола волосы в высокий пучок и посмотрела на преподавателя с мольбой во взгляде.

— Анжелика, у вас опять проблема? — вздохнул он и произнес с едва заметным акцентом. — Что вы не поняли на этот раз?

— Ничего! Ровным счетом! — честно ответила я и, порывисто поднявшись из-за парты, начала закладывать в сумку ручки, тетради и прочие безделушки, которые непонятно зачем нужны на паре. Попутно пыталась объяснить, что же именно мне непонятно, но казалось, будто говорю я с воздухом. Первое время это ужасно нервировало, но потом я привыкла к тому, что преподаватель немногословен. Во время моих нескончаемых монологов он обычно молчал, а после выдавал короткий и емкий ответ. В этот же раз из-за моей неуклюжести все пошло не так.

Согнувшись над сумкой, я не заметила, что Ком Хену надоело сидеть за столом и он бесшумно подошел сзади. Случившееся дальше — банально и глупо. Нет, Ком Хен не стоял слишком близко, он вообще старался держаться на расстоянии ото всех. Это мое тотальное невезение, помноженное на привычку сшибать углы и налетать на все, что можно! Я уронила сумку, инстинктивно отпрыгнула, чтобы она не упала на ногу, нелепо дернулась, взмахнув руками, и резко вскинула голову, а Ком Хен в это время, видимо, немного наклонился! Перед глазами вспыхнули искры. Острые шпильки впились в затылок, заставив меня взвыть. Эффект от нелепой ситуации усилили на долю секунды мигнувший свет и неподобающая фраза, которую сдавленно пробормотал преподаватель у меня за спиной.

«Вот черт!» — пронеслось в голове.

Даже невозможно было представить, что сдержанный Ли-сонсенним знает такие выражения. Я испуганно развернулась и охнула. На всегда безупречно чистом воротнике белоснежной рубашки преподавателя была кровь. Она капала из носа, который Ком Хен зажимал рукой, и струйкой стекала по подбородку. Выглядел Ли-сонсенним устрашающе. Мигающий из-за неожиданного перепада напряжения свет усиливал сходство с кадром из дешевого боевика. «Кинематографичненько», — сказала бы Ленка.

У меня сердце ушло в пятки, а живое воображение нарисовало яркую картинку моего отчисления в зимнюю сессию.

— Давайте помогу! — Я кинулась вперед, надеясь хоть как-то исправить ситуацию, но он шархнул, словно от прокаженной. В черных раскосых глазах вспыхнула такая ярость, что я испуганно замерла на месте, не рискуя сделать и шага. Было обидно до слез и немного жалко Ли Ком Хена. Сложно представить ситуацию более глупую. Если раньше Ли-сонсенним относился ко мне с изрядной долей снисхождения и терпеливо объяснял непонятные моменты после занятий, то после этого случая, думаю, станет выгонять из аудитории самой первой. Кто захочет оставаться в одном помещении с ходячей катастрофой?

— Простите бога ради... — Я сглотнула и попыталась подобраться чуть ближе. Мигающий свет ламп уже изрядно нервировал. У меня был старший брат, и разбитых носов я в своей жизни видела немало. Хорошо бы приложить лед, только где же его в аудитории возьмешь? — Давайте я вам все же помогу, а?

— Нет уж, Романова! — прошипел преподаватель, прикладывая к разбитому носу платок. — Вы уже помогли! Так помогли, что даже представить себе не можете! Хватит! Не подходите, прошу вас.

Внезапно стало страшно. Ком Хен был нетипично высок, и рядом с ним я чувствовала себя букашкой, ко-

торуую сейчас раздавят. Он смотрел на меня разъяренным, пронизывающим насквозь взглядом, от которого подгибались ноги и хотелось сбежать, что я и сделала. Я вообще не привыкла противиться своим порывам. Практика показывала, что они чаще всего самые правильные.

— Еще раз извините, — пробормотала я, подхватила сумку и бросилась к выходу, ударившись по пути об угол стола. Ойкнула, но даже не затормозила.

Вот уж чего я не ожидала от невозмутимого, немного странного преподавателя, так это того, что он погонится за мной.

— Романова, стоять! — крикнул Ком Хен настолько грозно, что я пискнула и припустила быстрее. Благо аудитория находилась на первом этаже и не нужно было спускаться по лестнице. Подозреваю, на высоких шпильках и негнущихся ногах крутые ступени я бы одолеть не сумела.

Я не понимала, что от меня нужно разгневанному корейцу, но твердо знала — ничего хорошего меня не ждет. В лучшем случае отправит в деканат объясняться, а мне нечего им сказать, кроме очередного и глупого «извините».

Наша погоня по коридорам привлекла внимание как студентов, так и некоторых преподавателей, и Ком Хен, обычно сдержанный, невозмутимый и, видимо, небезразличный к своему имиджу, сдался первым. Похоже, пристальное внимание ему было ни к чему, а мне уже стало без разницы, что обо мне подумают. Поэтому я, наплевав на куртку, оставшуюся в гардеробе, выскочила на улицу под проливной холодный дождь. Покрутила головой по сторонам и без приглашения нырнула на переднее сиденье «ауди» к Сережке Бехтереву.

— Ты не обнаглела ли, Романова? — Парень даже поперхнулся. Друзьями мы не были, да и приятелями, по сути, тоже, просто проучились два месяца в одном потоке и, естественно, друг друга знали, но не больше,

поэтому я даже не обиделась на грубый тон, только сделала «глаза кота из Шрека» и взмолилась:

— Поехали отсюда быстрее, а?

— С чего бы? — нахмурился Серега, видимо окончательно зверея от моей наглости. Между его густыми светлыми бровями пролегла складка. Пришлось объяснить.

— Ком Хену нос разбила... — понурившись, призналась я. — Никогда его таким злым не видела. Да что злым! Взбешенным... Серега, будь другом, поехали! Отвези меня хоть до метро, пожалуйста?

— Это ты от него, что ли, бежала? — Серега ухмыльнулся. К нему возвратилось благодушное настроение, и парень дал газу. Судя по всему, объяснение моей спешки ему понравилось. Если девчонки от Ком Хена млели, то парни его откровенно недолюбливали и демонстративно между собой именовали «гей». А то и нашим русским, более крепким словом, порицая выбор прекрасной половины группы, возжелавшей почти полным составом учить корейский.

— От него. Слушай, я, когда мы на той неделе три километра на физре сдавали, и то так быстро не бежала! Так Эдуардыч нас до зачета обещал не допустить зимой и заставить пересдавать по сугробам, если в норматив не уложимся.

— А зачем нос-то разбила? Приставал, что ли?

— При... — поперхнулась я, внезапно представив, как все это со стороны выглядит. Картина совершенно не понравилась, и я мысленно застонала. Слухов теперь не оберешься! Завтра об этом происшествии все судачить будут. Осталась одна в кабинете с преподавателем и не просто преподавателем, а молодым и красивым, по которому весь университет сохнет, а потом убежала с вытаращенными глазами и чуть ли ни с воплями «Спасите!», а он неся следом, закрывая окровавленным платком разбитый нос. Ужас!

Я закрыла глаза и откинулась на сиденье. Просто

катастрофа! Причем вселенского масштаба! Более дурацкого начала недели я себе представить не могла. И самое главное, даже оправдаться не выйдет, хотя попытаться стоило.

— Да не приставал он ко мне! — осторожно начала я, искоса поглядывая на откровенно подхихикивающего парня. — Случайно все вышло...

— Ага, рассказывай! Знаю я тебя, Романова, у тебя вечно одни эмоции. Сначала, наверное, кулаком заехала, а теперь жалеешь. Вы же все по нему сохнете или просто о сессии беспокоишься? — Серега противно заржал, а у меня действительно зачесались кулаки, но сдержаться я смогла. Парень преувеличивал мою эмоциональность и несдержанность.

Правда, в одном Серега, безусловно, был прав — с сессией у меня теперь точно будут проблемы. От таких мыслей я загрустила и молча уставилась в окно на подернутую туманной дымкой унылую питерскую хмарь. Осень в городе на Неве была особенно тоскливой и печальной. Почти никакого золота и багрянца, алых всполохов кленов, зато много серого неба, косога дождя и ветра. А у меня куртка в раздевалке университета. Что за невезение? Бегать в ажурном свитерке под ливнем не очень приятно, но упрашивать мало знакомого парня отвезти меня до дома совсем не хотелось. Я и так без спроса залезла к нему в машину, наглеть и дальше казалось неуместным. Впрочем, он, видимо тронутый за душу моей историей, предложил довезти до дома сам. Я не стала отказываться.

— Спасибо тебе, Сережечка! — совсем искренне поблагодарила я, выскакивая под непрекращающийся противный дождь.

— Не за что, Романова. — Парень снова ухмыльнулся. — Ты мне сегодня день сделала! Такая история! Просто бомба. За это я бы тебя не то что до дома, до Москвы бы бесплатно докинул!

Я махнула на прощанье рукой и уныло побрела к

подъезду. Можно было попросить Серегу молчать о случившемся, но я подозревала, что эта просьба не будет услышана. Похоже, меня впереди ждало веселое время. Заманила препода, очаровала и дала в нос! Да меня за это живьем съедят его поклонницы. Хуже всего, что и Ком Хену, вероятно, придется несладко. Слух о том, что он приставал к студентке и за это получил в нос, быстро разнесется по всему вузу, и ни его, ни мои слова не будут иметь значения. Они ведь не так интересны, как выдумка. И не нужно обладать качествами прорицательницы, чтобы понять, на ком преподаватель отыграется. А я так надеялась, что сдам первую сессию быстро и с первого раза.

Я открыла подъездную дверь и взбежала по лестнице на пятый этаж. Мои сокурсники считали меня счастливицей, потому как жила я одна. Пусть на окраине Питера, пусть в совсем крохотной квартирке. Но квартира была моя, и у меня не имелось соседей. От всеобщей завистливой ненависти меня спасало то, что я всегда была компанейской, философски относилась к бардаку и терпела у себя гостей. Даже не отказывалась, когда ко мне хотела завалиться вся группа. Правда, дни посещений были обговорены еще в первую учебную неделю — среда и пятница. Даже объявление на двери в квартиру соответствующее висело. В остальное время я наслаждалась свободой и одиночеством, не стесняясь выгонять слишком уж настойчивых посетителей.

Квартира мне досталась от бабушки. И когда я поступила учиться в университет в Питере, вопрос о том, где жить, не стоял. Многие не понимали. Можно было бы сдавать и жить в общеаге, но я привыкла к своему углу, да и маме так спокойнее.

Мне было тут уютно. Маленькая кухонька со старым гарнитуром и узким икеевским диванчиком, а также светлая комната, которую почти полностью занимал угловой диван темно-синего цвета. Еще из мебе-

ли у меня имелся журнальный столик и встроенный шкаф. Я подумывала над покупкой письменного стола, но пока не представляла, в какой угол его приткнуть, поэтому делала все университетские задания, лежа на диване с ноутом или планшетом в обнимку. Обстановку завершали книжные полки и парочка стульев. Приходящие гости говорили, что не хватает телевизора, но лично мне он был совершенно не нужен. Я не понимала, зачем он, если есть выход в интернет — там тебе и новости, и кино, и музыка.

День вымотал. Я скинула джинсы и промокший под дождем свитерок, натянула на плечи тонкий шелковый халатик до пят вызывающе алого цвета. Мне его подарила лучшая подружка на день рождения, мотивировав свой выбор так: «Молодой красивой девушке, переезжающей жить в собственную квартиру, просто необходим алый пеньюар!» Честно сказать, мне подошел бы совершенно любой. Старый халатик выглядел непрезентабельно, поэтому подарок подруги я с удовольствием носила, хотя, подозреваю, дарила она мне его для иных целей.

Я была не голодна, но достала из холодильника йогурт и завалилась на диван и открыла интернет. Настроение было ни к черту, разболелась голова, лезли дурные мысли, и совсем не хотелось идти завтра в университет. Я была уверена, что меня ожидает неприятный поход к декану, выговор и нескончаемый поток глупых вопросов от сокурсниц. Хорошо, если в драку никто не полезет. Чужало мое сердце, что статус «врага народа» мне обеспечен. И ведь никому ничего не докажешь!

Самое печальное, что вряд ли теперь получится поменять язык изучения. Группы давно сформированы, а меняться через два месяца никто не захочет. Не думаю, что так много студентов, которые разбивают преподавателям носы.

Йогурт закончился быстро, и я продолжила утеша-

ться шоколадкой, которую кусала прямо от плитки. Настроение постепенно выравнивалось, и я все же уговорила себя перестать думать о сегодняшнем неприятном происшествии, хотя это было нелегко.

Небо за окном затянули плотные сизые тучи, и стремительно стемнело. Свет включать не хотелось, было лень вставать, да и незачем — экран ноута я и так видела замечательно.

Когда позвонила Ленка, я долго не хотела брать трубку, прекрасно зная, о чем пойдет речь, но потом поняла, что молчание может быть расценено как угодно и точно не в мою пользу, поэтому недовольно ответила:

— Чего тебе нужно?

— Романова, ты что творишь?! — Ленка наезжать начала без предисловий, впрочем, иного я и не ожидала. Наша староста была пробивной, бесцеремонной и иногда хамоватой, зато искренней и открытой, за что я ее уважала, потому как любить Ленку было проблематично из-за отвратительного характера.

— Лен, ну вот что я сделала, а? — простонала я в трубку. Судя по Ленкиному тону, история обросла неизвестными подробностями, и мне очень хотелось их услышать.

— Ты же говорила, что тебе, видите ли, нравятся обычные русские мужики? Так какого фи́га ты к нашему Хену пристаешь? А?

— Лен, о чем ты? Совсем уже у вас крыша поехала с этим корейцем!

— Романова, не отпирайся! — наседала на меня Ленка. — Весь универ видел! Ты сначала с ним в кабинете осталась, а потом, когда он, так сказать, к активным действиям перешел, долбанула ему сумкой по физиономии и сбежала! Вот кто ты после этого, а? Ни себе ни людям!

— Ле-э-эн... — предприняла я очередную попытку

оправдаться, но была прервана. Голос Ленки изменился и стал заискивающим.

— Расскажи хоть... как он целуется?

— Да не знаю я, как он целуется! — проорала я в трубку, свирепея. — Напридумывали себе невесть что! Это вы там спите и видите, когда же он обратит на вас свое царственное внимание, а мне нужен нормальный русский парень, а не престарелый кореец!

С «престарелым» я, конечно, переборщила. Ли Ком Хен объективно был хорош собой, подтянут и давал сто очков форы любому студенту, но сути это не меняло. Он никогда меня не привлекал. Ну не рассматривала я его как объект романтической привязанности. Преподаватель все же, да и старше намного. Лет на десять так точно. Он на меня и не посмотрит, как и на всех остальных — зачем ему глупые девчонки? Ну и я не смотрела. К тому же при взгляде на него я вспоминала предмет, который он ведет, и предстоящую сессию. Я вообще до сегодняшнего дня о Ком Хене думала не чаще, чем о других преподавателях!

Как ни странно, на Ленку мои аргументы возымели действие, и она уже спокойнее поинтересовалась:

— А тогда что у вас произошло?

— Глупость! — успокаиваясь, буркнула я и пересказала старосте случившееся, молясь, чтобы она поверила и не пошла распространять дальше ложные, но очень увлекательные слухи.

Ленка прониклась и даже мне посочувствовала, а я со злости и беспомощности задулила телефоном в угол дивана и, раскинув руки, рухнула на подушки, чувствуя, что голова напоминает чугунный колокол.

Еще бы! Оказывается, шпильки я так и не вытаскала. Только потянулась, чтобы распустить волосы, как почувствовала нечто странное. Липкий страх поднимался мурашками по спине, дыхание участилось, а ладони стали влажными. Я еще не поняла, что мне угрожает опасность, но уже иррационально боялась и иска-

ла возможность скрыться. Для начала села на диване и поджала ноги, а потом повернула голову и оцепенела от ужаса.

Из плотно прикрытого окна сквозь шторы в комнату просачивался бордово-розовый непонятный дымок, заметный даже в сумерках. Он был непрозрачным. Не такой, как дым костра, а плотный, словно испачканные кровью куски сладкой ваты, которую подхватил ветер.

Я сглотнула, чувствуя, что крик застрекает в горле, и попятилась в сторону от дыма, струи которого становились все толще и толще. Рука сама нащупала выключатель. Вспыхнул свет. Я втайне надеялась, что он разгонит морок. Я не верила своим глазам и не понимала, что это такое, но нутром чувствовала — ближе соваться не стоит. Почему-то твердо была уверена — нечто, просочившееся ко мне в дом, опасно.

Багровый дым уплотнился, превращаясь в двух аморфных тварей, больше всего похожих на привидения из старых мультиков. Только привидения там были белые или полупрозрачные, а не багровые с черными угольками глаз и хищным оскалом.

Первое, что я сделала, — это завизжала и метнула в ближайшую тварь мобильником, подхваченным с дивана. Так получилось, что он оказался единственным доступным оружием. Не подушкой же швыряться? Попав в багровую дымку, из которой состояло тело твари, мобильник мигом оплавился, скукожился и звякнул по полу где-то в дальнем углу комнаты. После этого мне стало еще страшнее. Передо мной возвышались не причуды больного воображения, а нечто смертельное.

От мерзкого шипения по спине пробежали мурашки, и я сжалась от страха. Твари метнулись ко мне, протягивая свои щупальца-отростки с загнутыми когтями. Я взвизгнула и взлетела на спинку дивана, инстинктивно поджимая ноги. Никогда не думала, что смогу

передвигаться настолько быстро, только вот развернуться у меня в квартире было совершенно негде.

Твари наступали, заставив скатиться за диван и забиться в угол. Надо мной нависала оскаленная пасть. Скрюченные когти тянулись к лицу, которое я безуспешно пыталась прикрыть рукой. Но алый шелковый рукав вряд ли мог послужить серьезной защитой. Первая тварь замерла прямо предо мной, но не решалась почему-то сделать последний смертельный бросок. Она клацала зубами возле моего уха, а я верезжала, плохо отдавая себе отчет в том, что делаю.

ГЛАВА 2

Из коридора послышался грохот, глухой удар и треск древесины. Я испуганно подпрыгнула, а твари с шипением шарахнулись в сторону, однако от меня не улетели. Они вели себя очень странно. В черных бездонных глазах светилась жажда крови, твари бросались на меня с яростью, но замирали и не решались убить, словно их что-то останавливало. Но с каждой минутой нагтели все больше и подбирались ближе. Если бы не грохот, возможно, они бы кинулись на меня и все же сожрали или просто убили. Я не представляла, что именно хочет сделать со мной окровавленная сладкая вата с когтями.

Кого я совершенно не ожидала увидеть в своей квартире, так это Ли-сонсеннима, который, похоже, услышал мой визг и выломал дверь. В его облике что-то неуловимо изменилось, и дело не в одежде — вместо делового костюма светлые вытертые джинсы и короткая кожаная куртка. Изменились повадки, движения и взгляд. Он стал ледяным. Увидев нависших надо мной багровых тварей, Ли Ком Хен не испугался и не удивился, а весь подобрался, словно хищник, готовый к прыжку. Слегка потрянул кистью, и в руке поя-

вился странный нож с огненным переливающимся лезвием, на котором проступали черные символы, больше всего похожие на чамо хангыля.

Я не была уверена, что рада его приходу. Во-первых, он видел тварей, а значит, они действительно реальны, а не плод моего больного воображения. Во-вторых, я не думала, что вдвоем умирать веселее. И я не верила в то, что с тварями можно справиться. Но Ком Хен, похоже, считал иначе. Он двигался плавно и красиво. Первый же выпад в сторону аморфной клыкастой твари завершился удачей. Огненное лезвие прошло сквозь ватное тело, и создание с визгом истаяло в воздухе. Вторая тварь оказалась проворнее, хитрее и быстрее. Она уплывала от лезвия, раздваивалась и пыталась подобраться ближе ко мне, но Ком Хен запрыгнул на диван и закрыл меня спиной. В какой-то момент мужчина скинул куртку и остался в ярко-красной майке. Тварь злобно зашипела и шарахнулась в сторону, но почти сразу возобновила нападение. Я сделала вывод, что окровавленной сладкой вате не нравится красный цвет. От моего халата она тоже шарахалась.

Под защитой Ком Хена было спокойно, пришла уверенность, что меня не дадут в обиду. Слезы прекратились, и я больше не визжала, возможно, потому что видела перед собой только спину в ярко-красной майке и то, что находится ниже. К слову сказать, задница у Ком Хена была хороша, и я всеми силами старалась на нее не смотреть, но вариантов было немного. Можно было чуть поднять голову и любоваться играющими мышцами спины. Страх растворился, а дыхание перехватило. Только увидев его в неформальной одежде, заметив сильные руки с хорошо развитой мускулатурой и широкие плечи, я поняла, что именно разглядели в преподавателе девчонки. А может быть, меня покорило его умение обращаться с ножом? «Или задница», — мрачно заключила я, подумывая, не закрыть ли глаза или вообще грохнуться в обморок. Приличным

барышням пристало падать в обморок в момент опасности. Только вот, судя по мыслям, приличной барышней я не была, поэтому продолжила как замороженная наблюдать за смертельным танцем Ком Хена.

Тварь целилась в ноги корейцу, видимо, избегая его красной майки, но он каждый раз оказывался чуть быстрее и изворотливее.

Выпад — и тут же плавное движение назад, чтобы уклониться от аморфной твари. Стремительный прыжок и молниеносный удар, рассекающий багровый туман. Тварь завыла и рассыпалась веером брызг, напоминающих кровь. Я с визгом закрыла голову руками, а Ком Хен просто распластался на диване. Только сейчас я заметила, что мой спаситель без ботинок, и это повергло меня в состояние шока. То есть пока меня тут убивали, он разувался в прихожей? Это было за гранью моего понимания.

В комнате стало оглушительно тихо. Опасность миновала, и меня накрыла запоздалая паника. Трясло, зубы выбивали причудливую дробь, а руки мелко дрожали. Я чувствовала, что не могу сказать ни слова, не могу задать интересующие вопросы просто потому, что душат рыдания. Они рождались где-то в груди, сдавливали спазмом горло и вырывались нечленораздельными всхлипывающими звуками.

В голове смешались в кучу мысли и страхи. Я поняла, что не верю своим глазам. Сейчас, когда все закончилось, хотелось кричать и отрицать увиденное. Не бывает багровых монстров, не бывает преподавателей-ниндзя, которые после того, как ты разобьешь им нос, приезжают к тебе домой и сначала выламывают дверь, а потом вытанцовывают с огненным ножом на твоём единственном диване. Это все бредовый сон, который слишком затянулся.

— Анжелика, вы как? — тактично поинтересовался Ли Ком Хен, осторожно заглядывая за диван, где я уже рыдала в голос, закрыв лицо руками.

— Полохо-о-о, — провыла я и забилась дальше в угол, раздражаясь от своего полного имени. В семье и друзья иначе как Лика меня не именовали. Полное имя мне не нравилось ужасно. — Я сошла с ума и брежу-у-у!

— Выйдите, пожалуйста, нам нужно поговорить, — очень спокойно и подозрительно ласково сказал он. Я мигом почувствовала себя пациенткой психиатрической клиники. — Вы не сошли с ума. Мне нужно просто кое-что вам объяснить. Я не смогу этого сделать, если вы будете и дальше рыдать в углу.

— Вы мне скажете, что это сон? — с надеждой поинтересовалась я, громко всхлипнув и подняв на него заплаканные глаза. — Вы мне снитесь, правда ведь?

— Увы, нет, — устало заметил он и опустил глаза, словно чувствовал себя виноватым за произошедшее. — Лика, выбирайтесь из-за дивана. Там узко и холодно. Вы можете простыть и заболете.

Через несколько минут уговоров я все же выползла из своего укрытия и с рыданиями кинулась на шею к Ком Хену. Действовала автоматически, на рефлексах и без какой-либо тайной мысли. Просто сейчас мне было очень нужно, чтобы меня обняли и пожалели. Хотелось почувствовать рядом живое существо и понять, что я действительно в безопасности, а вокруг реальный мир. После всего случившегося Ком Хен ассоциировался с безопасностью. От него пахло дорогим табаком и терпким, практически выветрившимся парфюмом, и я почувствовала на короткий миг, как сильно и ровно бьется его сердце. Он меня спас, но, видимо, на этом и все. Так как прижаться и пореветь на плече мне не дал. Вместо этого напрягся и аккуратно отстранил меня от себя.

На лице застыло очень странное выражение. Через маску невозмутимости пробивался то ли страх, то ли безразличие, я не поняла. Ком Хен прикоснулся ко мне только для того, чтобы отодвинуть, и тут же опус-

тил руки и отступил. Я почти не обиделась. В конце концов, он столько для меня сделал и вполне мог себе позволить не утешать. Его право, но жаль. Он теплый, и руки у него сильные.

— Вам нужно успокоиться, — повторил он, услышав очередной всхлип. — Чай есть? Если позволите, я заварю.

— Есть... — ошарашенно пробормотала я, чувствуя, как дрожит нижняя губа. — На кухне в верхнем правом ящике.

Мужчина без слов ушел на кухню, а я упала на диван, размышляя над странным поведением гостя. Сначала спасает, а потом шарахается, как от прокаженной. Неужели я такая страшная и со мной рядом находиться настолько противно? Конечно, я уже убедила себя в том, что он не обязан со мной нянчиться. Но все же почему ему так неприятно? Сложно, что ли, замереть на пять минут и приобнять, хотя бы для виду? Разве девушек утешать принято как-то иначе?

— И это чай? — Ком Хен появился в дверях спустя минуту. На его лице застыло удивление, в руках он брезгливо держал пачку чая в пакетиках. Обычного, не очень дорогого, но и не самого дешевого. Я, сразу же несколько смутившись, кивнула:

— Да.

Казалось, Ком Хен хочет еще что-то сказать, но он молча развернулся и спустя несколько минут вернулся с чашкой горячего чая.

— Я взял на себя смелость добавить коньяк, — чуть замаявшись, отметил он. — Вам это необходимо для того, чтобы снять стресс. Не бойтесь. В чашке всего лишь столовая ложка. Этого достаточно. У меня был с собой, — заметил он, предвосхищая вопрос. — И прошу прощения за то, что воспользовался вашей кухней. Просто сами бы вы, думаю, вряд ли смогли сейчас справиться даже с таким нехитрым делом. А теперь присядьте и внимательно меня выслушайте.

Я испуганно кивнула. Было странно, что Ли-сонсенним постоянно извиняется. Он меня спас, едва не пострадал от тварей, а несколькими часами раньше я разбила ему нос. Это я должна готовить ему чай и высыпаться в извинениях.

Судя по мрачному выражению лица Ком Хена, разговор нам предстоял серьезный. И это меня заранее пугало.

Но поговорить нам не дали, так как нагрянула полиция, которую вызвали бдительные соседи. Видимо, мои визги, выбитая дверь и грохот не оставили им выбора. Ладно, хоть сами не заявились. Бравый десант, состоящий из тети Люси со шваброй, вечно брюзжащей бабы Маши и Михал Васильевича с берданкой, наличием которой он пугал местных хулиганов, наверное, произвел бы впечатление. С таким никакие розовые твари справиться не в состоянии.

С полицией пришлось объясняться. Кажется, суровые, сонные и злые стражи порядка не поверили в грустную историю про забытые ключи и выломанную по этой причине дверь в квартиру, но повода, чтобы задержать меня или Ком Хена, не было. Я являлась хозяйкой квартиры, а из этого следовало: дверь моя — что хочу, то и делаю.

Пока я заливалась соловьем, в красках описывая, как именно все произошло, Ком Хен подобно статуе стоял у меня за спиной и, наверное, проклинал тот миг, когда решил по какой-то неясной причине приехать ко мне домой. Смотрели на нас полицейские с нехорошими ухмылочками, но день выдался настолько нелепым и тяжелым, что уже было все равно. К тому же по паспорту мне было восемнадцать, Ком Хен смог предъявить права, и вопросы к нам очень быстро закончились.

Я с облегчением выдохнула, когда нас оставили в покое. То, что подумают стражи порядка, волновало меньше всего. В конце концов они не староста группы

Леночка, которая умудрялась распространять слухи со скоростью света. Вот ее следовало бояться. Но она в данный момент была на моей стороне и пока мне верила.

Как ни странно, общение с полицейскими подействовало успокаивающе, и я расслабилась. Ком Хен попытался прикрыть дверь в квартиру, но сделать это оказалось не так-то легко. Замок был сломан, а часть косяка вывернута.

— Я оплачу, — несколько виновато заметил мужчина, с тоской посмотрев на вывороченную личину недорогого хлипкого замка, а я кивнула. Была не настолько состоятельна, чтобы оплачивать ремонт. Стыдно, конечно, но своих денег у меня было крайне мало, а говорить о случившемся родным — несусветная глупость. Всей правды не скажешь, а врать и изворачиваться я не любила, особенно если это касалось близких мне людей.

Сил совсем не осталось. Хотелось упасть и уснуть, а проснуться утром с осознанием, что этого дня не было, а был лишь бредовый, очень реалистичный сон. Но это всего лишь мечты. Я сползла по стенке в прихожей и устроилась на полу рядом с новыми осенними сапогами на шпильке, прикрыв лицо руками. Плечи мелко дрожали.

Ком Хен наконец-то справился с дверью, кое-как ее прикрыл и подошел ближе. Он не делал попыток поднять меня, отхлестать по щекам, чтобы привести в чувство, а мне этого хотелось. Отстраненная холодность и невозмутимость раздражала.

— Чай с коньяком остыл, — тихо заметил Ком Хен. Я подняла голову и заметила, что он протягивает мне плоскую металлическую фляжку. — Знаю, что непедagogично, но вам стоит выпить. Хотя бы несколько глотков.

Коньяк я не любила, но отказываться не стала. Чем,

похоже, очень сильно удивила Ком Хена, потому что вел он себя, на мой взгляд, очень уж странно.

— Я не должен был предлагать вам выпивку... — заметил он. — Вы студентка...

— Ага, слышала.

Я отмахнулась и сделала большой глоток.

— Это непедагогично.

Коньяк теплым комком протек в горло, и я почувствовала себя намного лучше. Даже смогла подняться, посмотреть на Ком Хена и оценить ситуацию в целом.

В этот момент он совсем не походил на строгого преподавателя и выглядел значительно моложе. Всегда идеально уложенные иссиня-черные волосы сейчас пребывали в беспорядке. Короткие рукава ярко-красной узкой майки оставляли открытыми сильные руки с рельефными мускулами. На правом плече из-под рукава виднелась татуировка. Я не разобрала, какая именно, вглядываться было до ужаса неловко. Ком Хен вообще оказался неприлично хорошо сложен для обычного преподавателя. Похоже, он много времени проводил в тренажерном зале. Майка облегла широкую грудную клетку. Узкие джинсы плотно сидели на бедрах, и я поняла, что очень даже хорошо, что обычно он ходит в классическом костюме. Явись он в таком виде в университет, девчонки бы его точно не выпустили. Эта мысль возникла из ниоткуда и заставила улыбнуться.

— Вы улыбаетесь, — заметил Ли Ком Хен, который, к счастью, был не в курсе моих мыслей. — Это хороший признак. Значит, приходите в себя. Могу я с вами поговорить. Думаю, больше нас никто не потревожит.

— Вы приехали отчитать меня за то, что чуть не сломала вам нос? — Я подозревала, что это не так, но должна была уточнить. К слову, сейчас нос Ком Хена выглядел замечательно — ни синяка, ни припухлости.

— Не совсем... — Улыбка преподавателя вышла невеселой. — Вы не преследовали никаких целей. Все

произошло случайно. Поэтому винить вас, на мой взгляд, несколько неправильно. Мне не следовало подходить так близко.

— Просто я невероятно неуклюжа. — Признание да-лось с трудом. — Но я действительно случайно. И чув-ству себя виноватой. Правда.

— Не стоит себя винить. Это совершенно ни к чему. К тому же я не пострадал. — Мужчина усмехнулся. — Разве что гордость. Только вот любая случайность имеет некие последствия, хотим мы того или нет. Иногда последствия бывают достаточно серьезны. Игно-рировать их, увы, не получится.

Я представляла, о каких последствиях говорит Ком Хен, и почему-то сейчас от мыслей о слухах, которые поползли в университете, бросало в жар. «Как он целу-ется?» — некстати всплыл в голове вопрос Ленки, и я почувствовала, что краснею. Внезапно пришло пони-мание — передо мной стоит красивый сильный мужчи-на, который мне только что спас жизнь, а я, зареванная и в пеньюаре, наспех подвязанном шелковым кушач-ком. Полы постоянно разъезжаются, открывая слиш-ком много. И, как назло, из головы вылетело, что их нужно периодически поправлять. Обычно я не появ-ляюсь перед гостями в подобном виде. Еще пять минут назад меня совершенно не волновало то, что ткань тон-кая и слишком уж откровенно льнет к коже, а под пе-ньюаром на мне лишь два кружевных лоскутка, кото-рые по недоразумению называли трусами. Стало до не-возможности неловко, и я, пискнув:

— Можно привести себя в порядок? — прошмыгну-ла в ванну, даже не дождавшись ответа.

Я закрыла дверь на защелку и, опершись руками о раковину, попыталась отдышаться и разложить по по-лочкам произошедшее. Получалось очень плохо. В го-лове смешалось все: дурацкое происшествие в универ-ситете, сплетни и Ленкины расспросы про поцелуи, которые заставили, о ужас, смотреть на губы Ком

Хена! Причем мой взгляд постоянно замирал на них, и я невольно отмечала четкую границу верхней губы, округлую и, вероятно, мягкую нижнюю. Мне стало просто страшно. Правда, я быстро убедила себя в том, что размышления о Ли-сонсеннине — это защитная реакция организма, который пытается стереть из памяти все сверхъестественное. В каком-то смысле думать о губах преподавателя корейского языка безопаснее для душевного равновесия, чем вспоминать окровавленную сладкую вату с когтями. Странные твари, которые просочились ко мне в квартиру сквозь щели в окнах, и феерический танец Ком Хена с ножом заставляли сомневаться в собственной нормальности.

Я поняла, что в дальнейшем не смогу смотреть на Ли-сонсеннина как на преподавателя, хотя именно этот вопрос сейчас меня вообще не должен был волновать. Но в голову лезли мысли о простых и понятных вещах, я не хотела задумываться над тем, что выходит за рамки моего представления о действительности.

Холодная вода освежила. Я долго плескала ее на лицо, смывая остатки косметики, а потом тщательно вытирала. Вытащила из волос шпильки, потрясла волосами и бросила взгляд в зеркало. Отражение мне не понравилось. Большие, словно блюдца, испуганные глаза с черной радужкой смотрелись неестественно. Я сейчас напоминала демона из сериала «Сверхъестественное», ко всему прочему веки припухли и покраснели от слез. Тяжелые черные волосы падали на плечи, словно черная вдовья вуаль. Забранная за уши отросшая челка только усиливала сходство. Я раздраженно выправила длинные пряди, позволив им свободно падать по обеим сторонам лица, а волосы снова заколола пинё. Так стало несколько лучше. Хотя хотелось подкрасить либо глаза, либо губы, а еще мазнуть румянами по скулам, чтобы не походить на кладбищенского призрака.

Выходить к Ком Хену в халате больше не хотелось,

и я надела джинсы, которые днем закинула в стирку, и сняла домашнюю майку с полотенцесушителя. Так я себя почувствовала несколько увереннее и спокойнее.

Когда вернулась, Ком Хен неподвижно, словно сфинкс, сидел на кухне. Его взгляд был отрешенным, задумчивым. Я присела напротив и внимательно посмотрела на него, не решаясь начать разговор первой. Он нелепо смотрелся в моей маленькой квартирке. Казался слишком большим и совсем чужим. Дорогая одежда, качественный парфюм, экзотические черты лица — все это подчеркивало скудность обстановки. Мне впервые стало стыдно за еще бабушкины шторы, пожелтевшую раковину и затертую клеенку на столе. На ней так и остались крошки после завтрака. Фанатом уборки я не была, и тех гостей, которые ко мне приходили, это обычно не смущало. Меня тоже. До сегодняшнего дня.

— Может быть, чаю?

Я решила проявить вежливость и заодно прервать затянувшееся молчание.

На лице Ком Хена появилась вежливая, но натужная улыбка. Он едва заметно кивнул, потом закусил губу, заставив меня против воли вспыхнуть, и страдальческим голосом произнес:

— Да, конечно. Буду благодарен.

При этом взгляд у него был такой несчастный, и я невольно вспомнила о том, что мой чай ему, мягко сказать, не приглянулся. Хотя преподаватель об этом тактично умолчал.

— Но если вы не хотите, я не настаиваю... — осторожно заметила я, наблюдая за реакцией. На лице Ком Хена промелькнуло заметное облегчение, но он мужественно ответил.

— Нет-нет, все в порядке, наливайте!

— Хорошо.

Я пожала плечами и не двинулась с места, так как не была садисткой и не собиралась пичкать человека тем,

что ему не нравится, только потому что он постеснялся отказаться.

Я смотрела на него и молчала. Еще с утра и представить себе не могла, что буду сидеть на своей маленькой кухоньке с преподавателем, по которому сохнет вся наша подгруппа. Ком Хен внимательно смотрел на меня из-под опущенных ресниц, и на его лице нельзя было прочесть ни одной эмоции. Он, как и на своих парах, был совершенно невозмутим. Впервые я сидела настолько близко к нему, что могла внимательно разглядеть длинные жесткие ресницы, по-азиатски высокие скулы и мягкие черты лица, но при этом упрямый смуглый подбородок.

Взгляд раз за разом возвращался к его губам, и я мысленно проклинала Ленку. Если бы не она, я бы даже не думала о поцелуях с ним. А сейчас от одних мыслей на коже появлялись мурашки. Чтобы хоть как-то вернуться в реальность, я поинтересовалась:

— Вы знаете, что здесь произошло? Кто на меня напал? И, самое главное, почему?

— Да, — невозмутимо ответил Ком Хен и, заметив мой ошарашенный взгляд, пояснил: — На вас напали вонгви...

— Кто? — Я сглотнула. Все же в глубине души я искренне надеялась на то, что произошедшее сон или бред и преподаватель подтвердит это, рассказав правду.

— Вонгви — это злые, мстительные духи людей, умерших насильственной смертью, — пояснил он, словно мне сразу должно было все стать ясно.

— Никогда не слышала... и не верила во всю эту чертовщину!

— А сейчас?

Ком Хен смотрел, пожалуй, слишком внимательно, словно пытался прочесть мысли. Я бы не удивилась, окажись у него подобная способность. Чтения мыслей я не боялась, они были настолько сумбурны, что я сама в них разобраться не могла — сплошная каша.